

Журналист

30/1-95
Москва
Соборная

ОРИГИНАЛ

Мок. правда. 1998 — 30 окт. с. 11

БЕЗ СЕНСАЦИЙ

Довольно долгое время наш театр живет практически без современной отечественной драматургии. Отдельные пьесы Н. Птушной, Н. Садура, А. Петрушевской, А. Разумовской (обратите внимание — все женщины!) не в счет.

Из мужского писательского сословия только Н. Колдаш с началом "перестройки" выстрелил по российской сцене обоймой мрачно-фантастической драматургии, выставив наложку ту самую иттанку ншей повседневности, которой десятилетия лет преграждала путь на подмостки и экраны бдительная советская цензура. "Чернухой" насытились быстро и театры, и зрители. В моду вернулись классика, лихо переживаемая под современность. Но зато неправда, что нынешних пьес совсем нет. Их писали и пишут, только в основном "в стол", а единицы публикуются в альманахах и толстых журналах.

Но вот, кажется, что-то сдвинулось с мертвой точки. В нынешнем сезоне на московскую сцену один за другим выходят спектакли по произведениям современных авторов, своих, отечественных. Премьеры — как из рога изобилия.

Драматический театр имени К.С. Станиславского не стал особо утруждать себя поисками новых имен и названий. Выбор пал на уже известный, издавший несколько сезонов назад в Театре на Меще Бронной "Полночь Огнеского" Николай Колдаш, только переименованный, надо полагать для "кадровки", в несколько приподнятое "Мы начинаем новую жизнь" (режиссер-постановщик Леонид Хейфец). История о том, как после пятнадцати лет отсутствия возвращаются из Америки в свою бывшую московскую квартиру некая Тая (Виктория Толстоганова), обнаружившая причудливым образом слоган за собой оторванное КТБ, в какой-то момент выводит юную антропологом Кая, ирречен, и поведение всех обитателей бывшей Татьяной квартиры, казуальных возмущений выселением. Делать лет назад такое еще могло иметь место, сегодня все это кажется иррациональным стран даже на сцене. Автор не зря не приедает, они дружелюбно общаются (хотя, конечно, это дружелюбие исключительно режиссерское), задвигая, поворачивая в глубине показывая там, где, завернув, уместно были бы улыбка, ирония, улыбка. А в результате зрителю представлено ироничное зрелище, герои которого без конца колотятся, ссорятся, ненавидят друг друга, подталкивают, поджигают, подталкивают один другого. Тагостность отношений спектакля усугубляется умелостью декорационного оформления, а точнее, его почти полным отсутствием — яркие стены пустой комнаты, кресло и диван на полу (художник Юрий Гальперин). Из этого мрада хочется скорее бежать, а не Тая, которая не собралась, как вышло, замочить замок надвигаясь.

Но... — Александра Галкина "Аккомпанатор" в его же постановке (на этот раз без участия автора в качестве автора) повисая на сцене "Современника" Грешан пьеса, разрабатывавшаяся тоже в почти пустом пространстве кабинета, из которой выносятся все детали, и только огромные прутьевые люстры, приспущенная с потолка, свидетельствует о прежнем достатке здания обитателей (сценография Давида Баровского). Сюжет нежизнен в эпоху современности, нокий предприниматель молодой человек по имени Григорий (Илья Дрезна) "на сит" одновременно три одинаковых старика с колесами кисточками (Дмитрий Васильев), Людмила Ивановна (Валентина Гафт). Поначалу каждый полагает, что он единственный подопечный у благодарного, благодарного Грешан и тотто сделать на него заявление. Но только случившись старик собираются вместе и расширяется обком. Хотя логично-бизнесмену уже все равно: он успел сделать капитал, создать свою фирму и... далее все пошло. А старик один за другим будет уходить из жизни. И рано или поздно рабочие вынесут из

конечно отсутствующей квартиры люстру и завалившей где-то в углу большой холст без рамы с запечатленным на нем портретом здешней измайки в молодой годы.

Поначалу зрители часто считают "грешан" героя Гафта, надвигая автором смелым именем Юлиан Тимошевич Личин, ислелом и за счет сверхактивности молодой старухи Савраской, сыгранной Л. Ивановой и пресудей ей отстоявша геонии — ре. Но чем дальше развивается сюжет, тем меньше доет он повод для улыбки. Вроде бы и никакой "чернухи", а жить, оказывается, страшно. И в финале в зале повисает пауза, прежде чем кто-то из зрителей перелье отключается на аплодисменты.

Заключившая жизнь актера человека из зрительного зала кажется необыкновенно привлекательной. И забывается, что искусство — это прежде всего труд, изобретательный, ежедневный, ежечасный. Сцена нередко исключает личную жизнь, не кричат грешан, сны настроения. Весь шлейф трюк lenne для остается за ее пределами, когда ты, актер, выходишь один на один с залом.

На московской сцене уже значится несколько спектаклей, посвященных тому, чего не должен видеть зритель. На диск с ними прибавится еще один — "Хостомерия" Анатолий Сергеева в постановке Натальи Британской (сценография Николая и Сергея Тихоновых, балетмейстер Игорь Пиларович) в Театре-центре им. Ермоловой.

Если в театре и кино "звездность" актера определяется прежде всего его талантом, то в шоу-бизнесе "звездность" — это набор условий: продюсер, реклама, стилист, художник по костюмам, свет, звук и пр. и др. и т.д. Если же "звезда" мечтает играть аудиторию, ее можно и "погасить", "загасить" взамен новой мая. Именно об этом пьеса "Хостомерия". Настоящая пьеса, без притва на сантименты.

Кто в ней главный? Все и никто. Они закованы в один узор — Мальвина (Елена Калинин), "звезда", сальонная ружьями полюбившая игрою (Илья Филиппик), а еще больше любящий и

ненавидящий ее подругой детства Наталья (Наталья Кузнецова), истопмерка, вторым "я" Мальвина, ее тачка, неволь, вдовствующий. Но она же, Наталья, подвигает Игорю юная сородича (Анна Милова), когда ощущает внутреннюю усталость "звезды". Предательство? Как посмотреть. Жесткой, безжалостный закон бизнеса. Они и в личной чувств все переплелись — Мальвина, Игорь, Наталья, молчаливый Сергей (Сергей Гирен) — восторженный поклонник Мальвина, и новый симпатичный, интеллигентный, бывший муж Наталья (Николай (Илья) Милова) интеллигентный, светлый, молодой бывший балерина Ольга (Светлана Галкина), горластая электрик Роза (Наталья Потапова). Нет, зрителю лучше не заглядывать в закулисный мир. Смотреть на сцену надо только из зрительного зала.

Юрий Волков тоже современный автор, но его пьеса "Юлианки Ольга" о делах давно минувших дней, эпической, априорной Рубик Пика писавшая по заказу антропологом Международного театрального центра "Звездный" и поставленная совместно с Российским молодежным театром на его сцене. Ольга Гиренко, одна из продюсеров центра, выступила в качестве режиссера, сценограф и костюмы принадлежит Катерина Шеняковская, а пластический образ спектакля создал французский балетмейстер Давид Клеуш. И довольно некое мощное, монументальное, историко-этнографическое зрелище, центром и стариком которого является сама юлианка Ольга в исполнении Людмилы Чурсиной. По сути это монолог Ольги, исполняющей на заданной жизни предельные повороты своим телом и волею судьбы, тек, что был рядом с ней. Для часа зритель практически в единичестве дергает зан, а "колесики" составляет зрелищный, динамичный фон спектакля, молва назвала Ольгу эстрадной, история — мудрой, сарказм — светлой. Спектакль одновременно все эти три качества одного характера — заданно претворяет. Чужие блестящие с ней отравляются.

Четыре автора, четыре пьесы, четыре же в чем не сложили спектакля. Разве что в своем драматическом настроении: протоско-вызывающим, грустно-печальным, настороженным, было бы откровенным. Назвать их событиями бы ли бы лукавством. Каждый по своему добросовестно, с увлечением играет авторами. Какой будет из зрительский успех, — покажет время. Прошли лишь первые представления. Но хорошо уже то, что московская сцена начала пополняться современностью. А на сцене еще премьеры.

НАТАЛИЯ БАЛАШОВА.
На снимках: сцены из спектаклей "Мы начинаем новую жизнь", "Аккомпанатор", "Хостомерия", "Юлианки Ольга".

Фото Михаила ГИТЕРМАНА.

